

Колесников Фёдор

Ибрагим

12+

Фёдор Николаевич Колесников

Ибрагим

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57480459

SelfPub; 2020

Аннотация

История одинокого подростка, столкнувшегося с суровыми реалиями жизни. Он ищет спасения, если не в человеческой доброте, то в вере в Бога.

Ибрагим открыл глаза. Его взору открылось утреннее безоблачное небо с алыми подпалинами в восточной его части. Битва ночи и дня подходила к завершению, утренняя молитва была на подходе. Он поторопился встать.

Это был не по возрасту статный мальчик, мускулистый, с большими карими глазами и огромным орлиным носом, нетипичным для арабов.

Он не спеша разложил садждаду¹ и по зову имама приступил к молитве. Однако, проникнувшись в таинство общения с богом, он повторял заученные слова, не вникая в их смысл, скорее из-за соблюдения традиций, нежели по зову сердца, что в принципе, для него было обычным делом.

После молитвы он свернул коврик и положил его в мешок, где хранился весь его нехитрый скарб. Потом оттуда же Ибрагим извлек свой завтрак, состоявший из черствого куска хлеба и нескольких очень сухих фиников. Хотя воровская жизнь и была не сахар, обычно его завтрак был обильнее.

Позавтракав, юноша спустился с крыши, на которой жил, к колодцу во дворе, чтобы умыться и попить воды.

– Ибрагим, Ибрагим, – раздался за его спиной голос старого Ахмеда, хозяина дома, на крыше которого и жил ворюшка. – Ты опять спал на крыше? – По-отечески побеспокоился старик.

– А где же мне еще спать? – в свою очередь спросил юно-

---

¹ садждада – (араб. سجدة, намазлык (тат. намазлык), джай-намаз (перс. زماناج) – коврик для намаза.

ша.

– У тебя есть свое место в доме, – все ласковее продолжал Ахмед, – оно и не идеально, зато в доме, в тепле!

– Дорогой дедушка, я рад, что обо мне так заботятся, но если я лягу там еще хоть один раз, то твои сыновья побьют меня, – с горечью в голосе ответил Ибрагим. – Ты единственный, кто хорошо относится ко мне в этом доме. Умрете вы – выгонят и меня!

– Они не посмеют!

– Еще как посмеют, и даже Гуйла их не остановит, – сказав это, юноша отвернулся, чтобы старик не видел его слез.

– Ну, ну. Не плачь, мой мальчик, хоть ты и сирота и зарабатываешь себе на хлеб воровством, они не выгонят тебя. Не такие они уж и звери, – успокаивал его хозяин дома. – Ладно, иди, поешь, там Гуйла напекла лепешек.

– Спасибо!

– Беги, беги.

Ибрагим быстрым шагом направился на другой конец двора. Но не успел он дойти до печи, как возле нее появились Махмуд и Авар – старшие сыновья Ахмеда.

– А, ну пошел вон, «воришка», – прикрикнул на него Махмуд.

– Это наш дом и наша еда, – вторил ему Авар, – не смей ее воровать.

После чего оба брата направились в его сторону, Ибрагим на время замешкался, а когда понял, что его побьют, ми-

гом перепрыгнул через забор и оказался на улице. Во дворе раздался хохот и улюлюканье кого-то из сыновей. А спустя несколько минут на улице оказался и его мешок с вещами.

Постояв несколько минут, Ибрагим отправился на базар, где торговцы всюю раскладывали товары. Появившись на базаре, юноша сразу же стал приглядываться к товарам и кошелькам посетителей взглядом опытного вора. Так он прошел через весь базар, но украсть ничего и не смог, а все потому, что «витал» где-то в другом месте. Вроде бы, день начался как любой другой, из бесконечной мириады дней: попытки завтрака, взбучка, побег и снова базар и попытки заработать на еду. Какой у этой жизни финал, сколько он еще так протянет? Уличные воры долго не живут. А возможности создать семью и остепениться у него нет. Безысходность накрыла его черной пеленой и поглотила, словно зыбучий песок.

Оказавшись на другом конце базара, Ибрагим услышал за своей спиной голос Аслана, торговца финиками. Юноша часто беседовал с ним до начала торговли, а еще чаще воровал у него.

– Как дела, Ибрагим, – издалека начал тот.

– Все по-прежнему.

– Неужели ты до сих пор еще ничего не украл? – продолжал беседу торговец.

– Нет! – небрежно ответил Ибрагим.

– Ты чего такой задумчивый? – с еще большей настойчи-

востью задал свой вопрос Аслан.

Но Ибрагим ему не ответил, а развернувшись, последовал в обратном направлении. Раздумья о своей жизни, о проблемах, о том, как жить дальше не оставляли его. Он долго бы так слонялся, если бы не чувство голода. Придя в себя, воришка сразу же занялся поисками того, что мог украсть. Не прошло и часа, как он уже сидел в одном из закоулков рынка, уплетал горячие лепешки, запивая их молоком. Все это он купил на украденные деньги.

Сразу же после еды Ибрагим услышал призыв на молитву, но днем юноша почти никогда не молился и, дождавшись окончания ритуала, отправился обратно на базар. После еды его обычно уже не волновали «духовные» проблемы. Жизнь наполнялась смыслом, и на сытый желудок не так было себя жалко. Уже ближе к закату воришка вернулся на то же место, где обедал, и поспешил сосчитать добычу. Сегодня она была особенно большой, ему удалось «заработать» почти два серебряных динара.

Закончив вечерний намаз, в котором Ибрагим поблагодарил Аллаха за успешный день, он поспешил на закрывающийся рынок, чтобы купить себе яств. Набрав щербета, халвы, мяса и дынь, юноша уселся в закоулке и начал «пировать».

Уже глубокой ночью Ибрагим, словно пьяный от количества съеденного, побрел домой. Он шел по пустынным улицам, прислушиваясь к звукам ночи. На небе гигантским се-

ребряным блюдом светилась полная луна. Удачный день и прекрасная погода разогнали мрачные мысли утра, ему хотелось петь, ведь, в сущности, не так и плоха его жизнь. Он не от кого не зависит и может заниматься чем угодно и когда угодно. Он свободен от предрассудков и оков обыденной жизни.

На следующий утро Ибрагим встал как раз, когда имам призывал всех на первую молитву. Совершив обычный ритуал, он поспешил уйти.

Сегодня был день казни известного разбойника Аль-Худа и его сподвижников, а значит, на главной площади перед дворцом будет многолюдно и там можно будет неплохо заработать. Он подоспел как раз вовремя, заключенных еще не вывели, и у воришки было время, чтобы осмотреться.

Продвигаясь через густую толпу разнообразно одетых тел, Ибрагим прихватил парочку кошельков. Подходя все ближе к первому ряду, он неожиданно для себя решил остановиться и посмотреть на казнь. У него в душе боролись два чувства – любопытство и отвращение к казни. Юноша никогда раньше не видел казней. Он не считал этот «ритуал» кощунственным, но навевающим страх. Ибрагим не мог понять, что заставило его остановиться и, не отрывая взгляд, смотреть.

Пока он раздумывал, толпа загудела, и каменный помост в центре площади вывели главаря разбойников, юношу лет двадцати, он не был похож на типичного араба. Его черные

как смоль волосы, с небольшими кудряшками, которые за время сидения в темнице стали сальными и блестели от налипшей грязи, очень оттеняли его сильно исхудавшее мраморное лицо, самой заметной чертой которого был большой нос, похожий на нос Ибрагима. Губы разбойника были обветрены и кровоточили. Глаза, воспаленные от сырости и грязи темницы, где его держали, слезились от яркого солнца. Сам же он был высок и худощав, одежда, ставшая лохмотьями, болталась на нем.

Этот юноша был знаменитым разбойником Альф-Худом, терроризировавшим половину страны.

Толпа загудела. Палач с усилием толкнул разбойника в спину, тот упал на колени, гремя кандалами, и понимая, что сейчас произойдет, Ибрагим закрыл глаза. После выдоха толпы юноша поднял голову и увидел обезглавленное туловище, трепыхающееся возле чурки, его стошнило. Позади раздался хохот. А когда палач поднял над толпой отрубленную голову Альф-Худа, Ибрагим не выдержал и, расталкивая толпу, бросился с площади. Люди провожали его хохотом и насмешливыми фразами.

Забежав в первый попавшийся переулок, юноша сел на землю и зарыдал. Его тонкие губы дрожали, всегда ясные глаза покраснели от слез. Ибрагим рыдал столь неистово, что смог успокоиться только через час. Вытирая лицо, он еще всхлипывал, вспоминая недавно пережитое впечатление. Но тут юноша заметил дервиша, сидевшего напротив.

– Что тебе нужно странник, – спросил Ибрагим. – У меня нет денег на милостыню!

– Меня зовут Абу-Саид Ал-Басри, и я приветствую тебя, – ответил старец.

– И я тебя приветствую, но что тебе от меня нужно? – уже раздраженно спросил юный вор. Его очень раздражало, что его видели в минуту слабости.

– Не гневайся на меня! Я всего лишь хочу получить, то, что принадлежит мне. А именно свой кошелек и деньги, которые в нем были.

Ибрагим решил, что Абу-Саид шутит и взгляделся в его лицо, надеясь разглядеть там улыбку. Но напротив: лицо было серьезно и сдержанно, а глаза добры и умны.

Юноша хотел убежать, но дервиш остановил его, сказав:

– Не нужно бежать, я не расскажу о твоём деянии никому, хотя ты и совершил его в тот момент, когда я молился за упокой души Альф-Худа!

– О великий странник, повидавший вселенную, прости меня! – Взмолился Ибрагим, протягивая кошелек дервишу.

– Я простил тебя, но простит ли тебя Аллах... – сказав это, странник, опираясь на трость, неспешно удалился.

Ибрагим еще долго не вставал с колен и не поднимал лица от земли. Он не был никогда верующим, но под впечатлением речей старца и увиденного, его обуял страх. Будто что-то перевернулось в его жизни. Непрекращающееся чувство тревоги засело где-то под сердцем червяком, и не хотело его

покидать.

Всю свою выручку он пожертвовал сегодня в ближайшую мечеть и твердо решил вместе со всеми сходить на пятничную молитву.

В этот день он больше не воровал. Воришка пришел домой необычно рано, забрался к себе на крышу, где и пролежал до утра. Все это время юноша лежал на спине, заложив руки за голову, и смотрел, смотрел, смотрел, в бездонное голубое небо, по которому плыли величественные и далекие перистые облака. Их вид постоянно менялся: то его взору представала голова Альф-Худа, то Абу-Саида, то странные и загадочные крылатые чудовища. Ночью Ибрагим был как в угаре, ему снились все те же образы, он часто просыпался и начинал задумываться над смыслом этих снов, потом он засыпал снова и снова просыпался. А снедающее чувство тревоги все не покидало его. Он страдал.

Так и не дождавшись рассвета, юноша ушел из дома. Полная луна освещала его путь, где-то вдалеке звучал голос ночного сторожа.

– В Багдаде все спокойно. – Напевно кричал сторож и бил в свою колотушку.

Но не спокойно было на душе у воришки. В его воображении с завидным постоянством представала казнь разбойника.

Ибрагим скитался по городу до обеда и очнулся лишь тогда, когда чувство голода стало совсем непреодолимым, ведь

он не ел уже больше суток, а карманы были пусты. Воришка поспешил на базарную площадь, хотя знал, что там, на шесте, засыпанная солью, висит голова Альф-Худа. Но голод победил страх.

Он очень быстро добрался до места своей работы и с огромной тщательностью, стараясь не думать о казни, принялся выбирать себе жертву. Ему не пришлось долго искать, совсем скоро он напоролся на двух купцов. Один из них был высок и мускулист, лицо его было изуродовано огромным шрамом на лбу, который сильно старил его. Купец был одет в белоснежный халат и такую же чалму, с левой стороны за поясом, торчал кинжал в богато украшенных ножнах. Второй был маленького роста, толстый с пышной седой бородой. Он был одет в розовый халат с цветами, вышитыми золотом, и голубой чалме. За купцами неотступно следовало трое рабов – носильщиков.

Ибрагим, не раздумывая, подошел к ним, он незаметно вытащил увесистый кошелек, полный золотых динаров, и пустился наутек. Однако один из купцов, тот, что был выше, заметил воришку и вместе с рабами бросился в погоню. У юноши словно что-то оборвалось в груди, и он ускорил бег. Но преследователи не отставали, они кричали и размахивали руками. Воришка неожиданно свернул в проулок, ведущий к центральному ряду, где толпа была гуще. Он хотел затеряться в ней. В это же время к преследователям присоединились еще двое, это были караульные, следившие за порядком на

базаре.

Ибрагим петлял, как мог, но погоня не отставала, пробираясь через густую толпу, он неожиданно для себя, наткнулся на голову разбойника Альф-Худа, висевшую на шесте, в центре базарной площади, и засыпанную солью. Увидев ее, юноша встал как вкопанный, и, уставившись на нее, не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Зрелище было ужасное. Вчерашнее чувство страха накатило на него с новой силой. А чувство тревоги неожиданно покинуло его вместе с физической и духовной силой.

Тем временем преследователи настигли Ибрагима и схватили его. Юноша «отошел» от увиденного, только тогда, когда его начали избивать. Он пытался сопротивляться, но силы были неравны, и воришка потерял сознание.

Очнулся он только через несколько часов. Все тело болело от побоев, голова была словно чугунная, ноги, руки и туловище изнывали от ломоты, к ним нельзя было прикоснуться. Правый глаз был подбит и весь заплыл, во рту не хватало пары зубов, волосы на голове были мокрые и слиплись от крови, язык распух. Осознание происходящего совсем не было. Голова разбойника и побои никак не укладывались у него в единую цепочку. Спустя немного времени к нему стала возвращаться ясность мыслей, и юноша огляделся. Ибрагим оказался в каком-то огромном подвале с маленькими решетчатыми окнами под потолком, через которые едва просачивался свет. А когда его левый глаз адаптировался к тем-

ноте, воришка смог разглядеть и десятки людей, лежавших и сидевших на грязном, усыпанном человеческими и крысиными экскрементам, полу. Все они были худы. А сильнейший смрад от потных полуразложившихся тел, делал пребывание здесь еще более ужасным. Он был в тюрьме. Тревоги недавних дней как не бывало. В душе не было вообще никаких эмоций. Он был в полной прострации.

Ибрагим сел, опершись спиной на стену, и начал всматриваться в детали окружающей его обстановки. Справа от него на цепях, прикованный к стене, висел старик лет семидесяти, весь заросший седыми волосами и с ввалившимися носом. Старик был одет в истлевшие грязные лохмотья, которые почти не закрывали его тела. Ребра и тазовые кости торчали, словно остов корабля затонувшего на скалистом побережье. Кораблекрушение судьбы прибило его к этим стенам и оставило здесь навсегда. Слева лежал весь окровавленный, почти голый мужчина, его правая рука была съедена до локтя, а у левой не было кисти, все это сделали крысы, которых на нем было великое множество. Они копошились на своей жертве в поисках кусочка послаще. Все уже было кончено. Он был уже не человек, а лишь кормом для нового витка жизни. Юноша, увидев это, поспешил отползти в другое место.

После этого он несколько раз пытался встать на ноги, но слабость была настолько сильна, что он тут же опускался обратно на землю. Ему очень сильно хотелось пить. В конце

концов, оставив эти попытки, Ибрагим решил вздремнуть и уже после обдумать свое положение. Однако поспать ему так и не удалось, вскоре пришел тюремщик и начал раздавать еду: кусок лепешки и воду. Этот скудный ужин, конечно же, не удовлетворил желаний воришки, и он стал умолять о добавке. Но тюремный страж с жестокостью отстранил его. Юноша снова лег, новый поворот его судьбы, ужасная обстановка и ломота во всем теле не давали Ибрагиму расслабиться. Конец его в принципе был понятен, но ему не хотелось в это верить. Как любой молодой человек он верил в случайность своего положения и что его скоро отпустят. Приятный самообман не добавлял оптимизма. Люди вокруг него, словно ленточные черви в утробе, извивались и стонали единой массой.

Он уснул. Сон его был тревожен и тяжел. К невероятной физической боли добавилась боль душевная. Он хотел кричать о своей судьбе. Конечно же, исход был ясен. Его либо казнят, либо отправят на каторгу. А он ведь так молод.

– Я только хотел поесть, – стонал он во сне.

Наутро к решетке под потолком пришел дедушка Ахмед, который принес ему финики, лепешки и сушеное мясо. Сквозь решетчатое окно можно было увидеть лишь его руки, Ибрагим и не думал, что у старика такие большие и морщинистые руки. Какие же они были теплые и нежные. Их так хотелось обнять и прижать. Единственная частичка родного в этой клоаке.

Он рассказал, что купцы, которых ограбил воришка, оказались из свиты самого великого визиря. Из-за этого в городе прошли массовые облавы на бродяг и воров, визирь разозлен и готов всех казнить. Ибрагим и без того понимавший свою судьбу, отчаялся окончательно. Все будет кончено достаточно скоро. Ахмед ушел, а юноша остался один среди живых мертвецов, этих свечных огарков, плавящихся под солнцем судебной машины. Теперь и он был одним из них. Его жизни больше нет. По мановению судьбы он оказался здесь, и теперь только чудо могло его спасти. А в чудеса он не верил никогда.

Но он решил не падать духом, не становиться в один ряд со своими сокамерниками. В городе ходила масса историй о помилованиях и побегах. А если он будет постоянно стонать и ходить под себя, то умрет еще задолго до приговора. Это конечно была призрачная надежда, но другой у него не было. Ведь он всю жизнь жил мечтами и надеждами на лучшую долю.

Время его пребывания в тюрьме шло. Ибрагим начал усердно молиться, причем молился так, как никогда не молился. Он обращался к Аллаху до десяти раз в день, и все время просил его даровать ему жизнь и свободу. Но образы Альф-Худа и Абу-Саида все еще не покидали его. Каждый день они всплывали в его воспаленном сознании все новыми красками. Он уже не видел окружающей его обстановки, он только говорил с Аллахом и с ними. Ему казалось, что

они совсем рядом и только нужно протянуть руку. И Ибрагим протягивал руки, но каждый раз натыкался на такого же страдальца, перемещающегося из стороны в сторону, чтобы не обрасти пролежнями.

Дни проходили за днями. В их веренице юноша медленно сходил с ума от духоты, смрада и собственного самобиечения. За это время на его глазах умерло трое человек, кроме того он успел увидеть начальные стадии разложения тела, так как трупы подолгу не убирали. Еще двадцать пять его сокамерников были казнены на центральной площади, и ему с каждым днем все сильнее начинало казаться, что его постигнет та же участь, тем более что за это время он успел обзавестись еще и кандалами на ногах, где арабской вязью было выбито: «На веки и до смерти».

В один из обычных дней его вывели на площадь с еще девятью такими же, как он, преступниками. Ибрагим был в грязной изодранной одежде, лохмотьями висевшей на нем, с одним здоровым глазом, правый загноился и пропал, весь обросший и худой. Он еле стоял на ногах, а его здоровый глаз слепило яркое солнце. Но взгляд юноши по-прежнему был устремлен в небо, затянутое воздушными облаками, сквозь которые отчаянно пробивались яркие лучи утреннего солнца. И даже, когда голова Ибрагима легла на плаху, он не взглянул в толпу, где стоял приютивший его Ахмед и рыдал, а смотрел в небеса, как бы высматривая Бога, с которым ему уже очень скоро предстояло встретиться....